

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

1891.

(съ приложеніемъ десяти таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1892.

متعلقہ اسٹیٹس میں عوام کی سہولتوں میں اضافہ ہے۔ اس کے ساتھ ساتھ
 تعلیم اور ترقی کے شعبوں میں بھی کامیابیوں کی خبریں سنائی دیتی ہیں۔
 یہ سب کامیابیاں عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں حاصل ہوئی ہیں۔
 ہمیں امید ہے کہ یہ کامیابیاں عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں
 حاصل ہوں گی۔ ہمیں امید ہے کہ یہ کامیابیاں عوام کی سہولتوں
 کے نتیجے میں حاصل ہوں گی۔ ہمیں امید ہے کہ یہ کامیابیاں
 عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں حاصل ہوں گی۔ ہمیں امید ہے
 کہ یہ کامیابیاں عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں حاصل ہوں گی۔
 ہمیں امید ہے کہ یہ کامیابیاں عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں
 حاصل ہوں گی۔ ہمیں امید ہے کہ یہ کامیابیاں عوام کی سہولتوں
 کے نتیجے میں حاصل ہوں گی۔ ہمیں امید ہے کہ یہ کامیابیاں
 عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں حاصل ہوں گی۔ ہمیں امید ہے
 کہ یہ کامیابیاں عوام کی سہولتوں کے نتیجے میں حاصل ہوں گی۔

Калмыцкія сказки.

IV.

Сказка про семнадцатилѣтна, сына богача.

Въ древности, въ старинныя, начальныя времена, въ кочевьяхъ одного хана, владѣвшаго царствомъ, проживалъ нѣкій великій богачъ, который (своею славою) перешагнулъ за предѣлы своихъ кочевьевъ. Не имѣя сына и не будучи въ состояніи найти (дѣйствительнаго) молебствія и средства (для полученія) сына, вознамѣрился онъ отправиться убить своего бога, распорядителя судьбы, — вышелъ и пошелъ. Вотъ идетъ онъ по большой дорогѣ и попадаетъ ему на встрѣчу, спереди, человѣкъ на тощей, рыжей лошади, въ дахѣ изъ кожи рыжаго жеребенка. Схватилъ (богачъ) за поводъ встрѣчнаго, — «ты», говоритъ, «распорядитель моей судьбы?» — «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ человѣкъ, «распорядитель твоей судьбы — не я; распорядитель твоей судьбы ѣдетъ сюда!» — «А каковъ человѣкъ распорядитель моей судьбы?» спросилъ богачъ. Тотъ отвѣчаетъ: «распорядитель твоей судьбы, также точно какъ и ты, ѣдетъ на жирной рыжей лошади, въ лисей шубѣ и въ собольей шапкѣ». — Ну, отпустилъ онъ его и пошелъ дальше. Идетъ и, по тѣмъ рѣчамъ, схвативши встрѣтившагося ему такого человѣка, спрашиваетъ: «ты распорядитель моей судьбы?» — «А если и да, — такъ ты что-же?» спрашиваетъ тотъ. «А если да», говоритъ богачъ, «такъ я тебя убью!» — «За что убьешь?» — «А почему ты не посылаешь мнѣ потомства?» — «Убивать тебѣ меня», отвѣчаетъ богъ, распорядитель судьбы, «нѣтъ пользы; хоть бы и послалъ я тебѣ дѣтей, — толку не будетъ: они умрутъ!» — «Какъ же они умрутъ?» — спрашиваетъ старикъ. —

«Я пошлю тебѣ трехъ сыновей»; отвѣчалъ богъ, распорядитель судьбы, «одинъ твой сынъ, по первому году, попадетъ въ огонь и умретъ; второй твой сынъ, по второму году, попадетъ подъ лошадь и умретъ; а третій твой сынъ, по семнадцатому году, попадетъ на непріятеля и умретъ; что же тебѣ дѣлать имп? Не спокойнѣе ли тебѣ жить по просту, такъ? Живи такъ!»—Говорить богачъ: «Нѣтъ, хоть умрутъ,—ничего! Коли умереть— пусть умираютъ! Нужна слава, что отъ меня было потомство!»—«Ну если такъ, — возвращайся; я дамъ тебѣ потомство!» сказалъ распорядитель судьбы и пошелъ.

Вотъ воротился богачъ, творилъ молитву и—родился сынъ. Какъ родился сынъ, устроилъ онъ, по случаю рожденія, большой пиръ и воспитывалъ того сына, съ помощью осмотрительнаго человѣка, въ особой юртѣ, гдѣ никогда не зажигали огня. Прошло нѣсколько времени, воспитатель этотъ, ночью, захотѣлъ покурить табакъ и, когда высѣкалъ огонь, искры отъ высѣчки брызнули и упали на лицо мальчика. Съ этого началось, пошли опухоли,—умеръ. Послѣ того родился второй сынъ и его опять прирѣзывалъ онъ такимъ же образомъ. Когда мальчикъ былъ по второму году, онъ воспитывалъ его, не выпуская вонъ. Проживая такимъ образомъ, положили мальчикъ однажды спать на постель, а напротивъ приподняли войлокъ въ нижней боковой части юрты. Когда онъ такъ спалъ, вдругъ изъ недалѣка прибѣжали двѣ лошади, начали около юрты лягаться ногами, защищаясь отъ мухъ и оводовъ, завязили копыта (въ скважину рѣшетчатой стѣны) и попали въ голову мальчику. Съ этого началось, пошли опухоли, — умеръ. Послѣ того третьяго родившагося сына воспитывалъ онъ опять по прежнему и сталъ онъ хорошии мальчикъ, прекрасный лицомъ, ясный видомъ, полный ума, разума. Мальчика этого, когда достигъ онъ семнадцатилѣтняго возраста, не только посылали куда за дѣломъ, — даже вонъ не выпускали и, думая, что придетъ откуда нибудь непріятель и возьметъ его, съ большою осторожностью держали крѣпко того юношу.

Вотъ, разъ, ночью, семнадцатилѣтокъ, сынъ богача, взявъ тайкомъ лошадь, стоящую на приколѣ¹⁾, одѣлъ свое платье, пристегнулъ свое оружіе, ѣхалъ всю ночь²⁾ и когда подѣхалъ къ своимъ табунамъ, выгнаннымъ на пастбище, заблѣлъ разсвѣтъ. Взялъ онъ изъ табуна двухъ добрыхъ

1) Архалайтъ—приколъ; такъ называется столбъ, вкапываемый неподалеку отъ дверей юрты богатыхъ людей. У такого столба богатый калмыкъ и днемъ и ночью непремѣнно держитъ на готовѣ, подъ сѣдломъ, лошадь, чтобы имѣть возможность немедленно воспользоваться ею при нуждѣ. Архалайттай моринъ = лошадь, стоящая на приколѣ.

2) Выраженіе: «сб дѣлѣтъ» означаетъ буквально «заходя за полночь» и понимается въ смыслѣ — всей ночи.

коней, а свою лошадь, на которой пріѣхалъ, пустилъ въ табунъ; на одного добраго коня сѣлъ, другаго добраго коня повелъ въ поводу и поѣхалъ собирать свой табунъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, подъѣзжаетъ человѣкъ и говоритъ: «Тамъ два хана воюють, а ты, семнадцатилѣтокъ богача, что здѣсь дѣлаешь до сей поры?!» — «Въ какой сторонѣ воюють?» спросилъ семнадцатилѣтокъ. «Въ той сторонѣ!» говоритъ и, указавши западную сторону, уѣхалъ. Семнадцатилѣтокъ богача направился въ ту сторону и ѣхалъ, погоняючи, не считая день за день и ночь за ночь.

На пути его, у подножія большаго чернаго бугра ссорятся и пинають другъ друга два человѣка, — одинъ голый, а другой въ шубѣ. Проѣзжая сбоку ихъ, думаетъ онъ: «въ такой необитаемой мѣстности — какіе это два человѣка?» А изъ тѣхъ двухъ человѣкъ, тотъ, который въ шубѣ, кричитъ: «Эй, человѣкъ, у тебя (у одного) двѣ лошади, а у насъ, у двоихъ, — лошади нѣтъ; дай намъ одного коня!» — «Отдамъ одного!» подумалъ онъ. «Возьмите», говоритъ, «эту лошадь!» — оставилъ и поѣхалъ. Тѣ два человѣка начали спорить «миѣ отдалъ! миѣ отдалъ!» говорятъ, и опять кричатъ: «ты кому отдалъ эту лошадь?» Молодой человѣкъ: «Когда», говоритъ, «вы просили, то просили оба; если же, когда я отдалъ, хочеть получить ее одинъ изъ васъ, такъ ты, который въ шубѣ, — твою!» и поѣхалъ. Тогда человѣкъ въ шубѣ сѣлъ на лошадь, догналъ мальчика и говоритъ: «Ты — семнадцатилѣтокъ богача?» — «Да!» отвѣчалъ мальчикъ. — «Если такъ», говоритъ, «то Эрлікъ-ханъ высылаеть за тобою посла. Ты куда ѣдешь?» — «Здѣсь нашъ ханъ», отвѣчалъ мальчикъ, «воюеть съ другимъ какимъ-то ханомъ, — я ѣду туда!» Скрипачъ Чибчинъ говоритъ: «Иди сюда, со мною! Такъ какъ ты отдалъ миѣ лошадь, то я постараюсь помочь твоей жизни!» Этими словами онъ приказалъ ему слѣдовать за собою и они вѣхали въ огромный лѣсъ. Пустивши пару своихъ лошадей, (Чибчинъ) превратилъ мальчика въ золотой козій альчикъ, положилъ его въ боковой карманъ и, отправившись къ Эрлікъ-хану, посиживаетъ играя на скрипкѣ.

Въ ту пору говоритъ Эрлікъ-ханъ среди множества эрліковъ: «Мальчика богача, по имени Семнадцатилѣтка, нужно привести сюда въ этомъ мѣсяцѣ настоящаго года, не допуская его выйти изъ семнадцатилѣтняго возраста. Нужны одинъ, два эрлика, которые бы привели его!» Подходятъ два эрлика и говорятъ: «пошлите насъ!» — «А сможете ли вы?» — спрашиваетъ Эрлікъ номбѣйнъ-хапъ, — «Какъ вы его возьмете?» «Мы оба», — говорятъ они, — «одинъ изъ насъ скинется лукомъ, а другой скинется стрѣлою, и будемъ лежать на мѣстѣ, по которому онъ пойдетъ. Такъ какъ онъ охотникъ до луковъ и стрѣлъ, то онъ возьметъ и съ удовольствіемъ будетъ хранить насъ. Тогда мы войдемъ въ его утробу,

возьмемъ его душу и придемъ». — Эрлікъ-ханъ: «Ну ладно», говоритъ, какъ бы тамъ ни было, а приведите его!» — и отпустилъ ихъ. Тогда музыкантъ Чибчинъ пришелъ въ лѣсъ, вынулъ семнадцатилѣтка изъ боковаго кармава, снова придавъ ему человѣческой видъ и говоритъ: «Слышалъ ли ты эти рѣчи, которыя говорили Эрлікъ-ханъ и эрліки?» — «Слышалъ», говоритъ. «Если слышалъ», говоритъ, «такъ ступай же теперь назадъ!» Какъ будешь ты возвращаться назадъ, будутъ тебѣ лежать эти лукъ и стрѣла. Ты, увидавши ихъ, бросься внизъ (съ лошади) и, говоря,—что это за прекрасные лукъ и стрѣла?! — показывай видъ, будто ты радуешься; возьми и натяни тетиву на лукъ. Сбоку тебя будетъ большая каменная скала; ты стрѣлай въ нее тою стрѣлою, пока не сплющится ея оконечность и сама она не сломается; перерѣжь тетиву лука; самые лукъ и стрѣлу переломай, разорви, перерѣжь; скорѣе садись на лошадь и ужь съ быстротою (на сколько хватить) лошадиной жизни, пріѣзжай ко мнѣ!» Съ этими словами онъ отпустилъ его. Семнадцатилѣтокъ прямо-на-прямомъ отправился къ своему дому и, ѣдучи, увидѣлъ, что лежатъ хорошіе лукъ и стрѣла. «Что за прекрасные лукъ и стрѣла!» говоритъ онъ и съ радостнымъ видомъ слѣзъ съ лошади, взявъ лукъ и стрѣлу, натянулъ тетиву на лукъ, наложилъ стрѣлу на тетиву, глядь и видитъ, что стоитъ большая каменная скала. Стрѣлялъ онъ, пока не сплющилась оконечность стрѣлы и сама она не сломалась; искрошилъ тетиву лука; самые лукъ и стрѣлу раздробилъ и перерѣзалъ; потомъ вскочилъ на своего коня и направился къ музыканту Чибчину; скакалъ съ быстротою на смерть лошади и доѣхалъ до музыканта Чибчина. Въ ту же минуту музыкантъ Чибчинъ взялъ его, положилъ въ боковой карманъ, отправился къ Эрлікъ-хану и сидитъ играя на скрипкѣ.

Сидитъ онъ такимъ образомъ и вотъ приходятъ два давнишніе посла— эрліки: руки и ноги у нихъ переломаны, — хромаютъ; лица обливаются кровью, все тѣло въ ранахъ отъ меча, истекаетъ кровью. «Что съ вами сдѣлалось? Что же семнадцатилѣтокъ богача?» — спрашиваетъ Эрлікъ-ханъ. — «Предпріятіе осталось безуспѣшно», говорятъ послы. «Привести семнадцатилѣтка богача—трудно! Вышли мы отсюда и, скинувшись лукомъ и стрѣлою, лежали на дорогѣ, по которой онъ проходитъ. Онъ пришелъ, увидалъ насъ, слѣзъ съ лошади, приговаривая много радостныхъ словъ, взявъ насъ, потомъ началъ стрѣлять (нами) въ скалу, ломать, рубить, рѣзать и проналъ безслѣдно; вотъ мы и пришли назадъ». — На такія рѣчи говоритъ Эрлікъ-ханъ: «Вообще, мнѣ нужно взять его теперь, въ его настоящемъ возрастѣ; кого же теперь я пошлю и какъ я приведу его?» Въ ту пору опять встали, подходятъ два эрліка и говорятъ: «мы двое приведемъ его; насъ пошлите, насъ пошлите!» — «Какъ же вы двое приведете

его?» спросил Эрлікъ-ханъ. Онъ отвѣчалъ: «Мать и отецъ его шили для него новое платье, да сварили и поставили вкусное кушанье. Одинъ изъ насъ войдетъ въ его платье, а другой — войдетъ въ его кушанье, такъ приготовимся; когда же онъ придетъ, надѣнетъ платье и станетъ ѣсть кушанье, мы вмѣстѣ съ кушаньемъ проникнемъ въ его утробу и будемъ въ состояніи принести его душу. Пошлите насъ!»—«Согласенъ, отлично, приведите; если вы приведете его, я дамъ вамъ все, что ни попросите!»—сказалъ Эрлікъ-ханъ и послалъ ихъ.

Когда эти эрліки вышли и отправились, музыкантъ возвратился въ лѣсъ и спросилъ у семнадцатилѣтка: «слышалъ ты эти рѣчи?»—«Слышалъ»,—говоритъ. — «Ну, такъ теперь, какъ пріѣдешь ты обратно къ своимъ отцу и матери, они выгашутъ новыя рубашку и шальвары и дадутъ тебѣ приказъ надѣть. Ты, показывая радостный видъ, но не беря ихъ въ руки, скажи: я прежде зажгу огонь, да погрѣю; потомъ зажги огонь и, когда огонь разгорится жарко, подними мечемъ это платье, всунь въ огонь и хорошенько дай погорѣть; нищу, которую они приготовили, отдай своимъ собакамъ — Хасару и Басару, и въ ту же минуту садись на лошадь и поскорѣе пріѣзжай ко мнѣ.» — Семнадцатилѣтокъ богача сѣлъ на лошадь и пріѣхалъ назадъ. Мать и отецъ его обрадовались: «ахъ дятяко наше», говорятъ, «неужели тебѣ суждено показаться намъ живымъ и здоровымъ?!» начали обнимать его, цѣловать и плакать. — «А мы и вправду думали, что не возможно увидать тебя! Платьеце твое запачкалось!» — Такъ говори, выгашили они новыя рубашку и шальвары. Сынъ обрадовался: «Развѣ это», говоритъ, — «не батюшка съ матушкой?! Одежда загрязнилась — точно; я надѣну; а все-таки мнѣ нужно прежде развести огонь, да погрѣть; положите (ихъ) поближе!» говоритъ, — велѣлъ положить. Поджегъ онъ топливо — сухой, старыи лошадиный навозъ, растопилъ большой огонь, проткнулъ мечемъ насквозь рубашку и шальвары и началъ ихъ жечь въ томъ огнѣ. «Батюшка и матушка», говоритъ, «если вы приготовили мнѣ кушанье, поѣсть, попить, — такъ дайте мнѣ!» Попросилъ, взялъ да и отдалъ своимъ собакамъ — Хасару и Басару. Въ ту же минуту сѣлъ онъ на лошадь, поскакалъ и пріѣхалъ къ скрипачу Чибчѣну. Скрипачъ также, по старому, превратилъ его въ козій альчикъ, положилъ въ карманъ, пришелъ къ Эрлікъ-хану и сталъ играть на скрипкѣ.

Въ ту пору приходятъ давнишніе два посла-эрліки: у одного изъ нихъ волосы и лицо опалены, тѣло обожжено; другой — искусанъ собаками, хромаетъ. «Что съ вами сдѣлалось? Что же семнадцатилѣтокъ?» спрашиваетъ Эрлікъ-ханъ. А два эрліка докладываютъ: «Наше предпріятіе», говорятъ, «осталось безуспѣшно: не только взять душу семнадцатилѣтка

богача, — а п сами мы едва едва ушли въ силу того, что жизнь наша безсмертна». — «Ну, какъ и какъ онъ васъ?» допрашивалъ Эрликъ-ханъ. Они подробно разказали, какъ жегъ онъ на огнѣ и какъ отдалъ на съѣденіе собакамъ. Тогда Эрликъ-ханъ: «что же», говоритъ, «я буду дѣлать съ нимъ? Миѣ непременно пужно взять его въ настоящемъ его возрастѣ. Теперь онъ не могъ быть взятъ эрликами; (ничего не остается) помню того-что попробовать попросить царя драконовъ!» Съ этими словами послалъ онъ пословъ къ царю драконовъ. Отправилсь тѣ послы эрлики, пришли и привели царя драконовъ. Какъ привели, говоритъ Эрликъ номыйнъ-ханъ царю драконовъ: «Я обязательно долженъ привести сюда молодаго человѣка, именуемаго семнадцатилѣткомъ богача; посылалъ четырехъ пословъ и не былъ въ состояніи; слышно, что эрликамъ (привести его) невозможно; можетъ быть у тебя найдется средство?» — «Что въ этомъ невозможнаго?» — говоритъ царь драконовъ, — «я приведу!» — «Какъ же ты возьмешь его?» спрашиваетъ Эрликъ-ханъ. Царь драконовъ отвѣчалъ: «я соберу на него большое облако, подниму сильный вѣтеръ, испущу молнію и приведу.» — «Ну ладно», говоритъ, «непремѣнно приведи!» и отпустилъ его.

Потомъ, послѣ того какъ царь драконовъ ушелъ, скрипачъ вышелъ, вынулъ семнадцатилѣтка и спрашиваетъ: «слышалъ ли ты, что говорилъ царь драконовъ?» — «Слышалъ!» говоритъ. «Ну, такъ отправляйся теперь отсюда и поѣзжай туда, гдѣ сходится небо съ землею. Поѣзжай, на сколько можетъ ѣхать лошадь. И самъ ты съ искреннимъ сердцемъ молись всевышнимъ, и я буду искать средства, которое поможетъ тебѣ!» — такъ говоря, онъ отправилъ его. Потомъ, когда семнадцатилѣтокъ богача уже выѣзжалъ, направляясь къ соединенію неба съ землею, скрипачъ еще сказалъ: «Царь драконовъ трижды будетъ догонять тебя и трижды выстрѣлитъ; если, на твое счастье, онъ не попадетъ, то превратившись въ бѣлаго верблюженка, онъ спустится на землю; лишь только ты, оглянувшись назадъ, увидишь его, тотчасъ же воротись, слѣзь надъ нимъ (съ лошади), схвати его за заушную гриву, пригни книзу его голову и стегай его ногойкой, пока не отпадетъ мясо съ обѣихъ сторонъ его позвонковъ. Тогда онъ начнетъ просить тебя помиловать его жизнь, а ты на оборотъ проси у него, чтобы онъ выпросилъ у Эрликъ-хана твою жизнь; если онъ рѣшится выпрашивать, то и ты пощади его жизнь; если же онъ не скажетъ, что будетъ просить, то ты вбей четыре кола въ четыре его оконечности, въ голову ему вколоти большой столбъ, привяжи его ладненько къ этому столбу, наложи подъ нимъ кучу сухихъ дровъ, подожги ихъ и спали его, самъ-же на сколько возможно скорѣе пріѣзжай ко миѣ»; — такъ говоря, онъ послалъ его. Семнадцатилѣтокъ, выѣхалъ отъ него и погналъ свою лошадь во весь

ея ходъ. Ёдетъ онъ, погоняя такимъ образомъ, вдругъ, позади его показалась закругленная, какъ скрипичная кобылка, черная туча, пошелъ дождь, поднялся вѣтеръ, небо загудѣло, всякій свѣтъ померкъ, стало страшно, изумительно. Закругленное, какъ скрипичная кобылка, черное облако вошло какъ разъ насупротивъ его и, постоянно издавая шумъ, — трахъ! загрохотало. Ни самому молодому человѣку, ни лошади его вреда не случилось. Еще сильнѣе понукая и подгоняя свою лошадь, поѣхалъ онъ. Ёдетъ такимъ образомъ и опять, прежнимъ порядкомъ, какъ зашумить, — трахъ! Тѣмъ не менѣе и во второй, и въ третій разъ вреда не приключилось. Когда вреда не приключилось, онъ, глядя назадъ, и видитъ, что на землю упалъ и шатается на ногахъ маленькій верблюженокъ. Тотчасъ-же повернулъ онъ назадъ, подѣхалъ, слѣзъ надъ нимъ съ лошади, схватилъ его за заушную гриву, и билъ его, пока не стало отпадать мясо съ обѣихъ сторонъ его позвонковъ. Въ ту пору закричалъ (царь драконовъ): «Помплуй, мальчикъ, мою жизнь; я выпрошу у Эрликъ-хана твою жизнь!» А молодой человѣкъ: «если», говоритъ, «ты выпросишь у Эрликъ-хана мою жизнь, такъ я не только пощажу твою жизнь, а и сверхъ того награжу тебя!» и пустилъ его. Тогда царь драконовъ, съ великою благодарностью къ нему, кланялся, кланялся и ушелъ, а семнадцатилѣтокъ прямо направился и приѣхалъ къ скрипачу. Скрипачъ тѣмъ-же порядкомъ взялъ его, положилъ въ боковой карманъ, пришелъ къ Эрликъ-хану и сидитъ, играя на скринкѣ.

Между тѣмъ приходитъ царь драконовъ, — не можетъ поднять задницы, не можетъ шелохнуть спиною. «Какъ исполнилось предпріятіе? Что семнадцатилѣтокъ богача?» спрашиваетъ Эрликъ-ханъ у царя драконовъ. «Семнадцатилѣтокъ положительно невозможенъ. Догонялъ я семнадцатилѣтка и трижды стрѣлялъ въ него; когда я не поналъ, то потерялъ свой чудотворный талисманъ и упалъ на землю, превратившись въ бѣлаго верблюженка; схватилъ онъ меня, заставилъ испытать адскія мученія и я не только что не могъ взять его душу, но едва съ поклонами спасъ и свою собственную жизнь, обязавшись выпросить у васъ его жизнь; поэтому моя покорнѣйшая просьба къ вамъ: я прошу васъ пожаловать мнѣ его жизнь!» — «Въ такомъ случаѣ», говоритъ Эрликъ-ханъ, «не дать тебѣ нельзя и пусть онъ теперь живетъ въ мирѣ и спокойствіи до конца своего вѣка!» Тогда царь драконовъ возвратился.

Пришелъ скрипачъ назадъ въ свой лѣсъ, вынулъ семнадцатилѣтка и спрашиваетъ: «Слышалъ ли ты теперешнія слова царя драконовъ?» — «Слышалъ», отвѣчалъ молодой человѣкъ и трижды поклонился скрипачу въ ноги. «По вашему покровительству и милости», говоритъ, «избавился я отъ

страданій и угнетенія, да еще и спасъ свою жизнь. Чѣмъ теперь буду я благодарить васъ?» — «Чѣмъ можешь ты благодарить меня?» — отвѣчалъ скрипачъ, — «Если хочешь ты благодарить меня, такъ пощщи, поразспроси и ступай въ мой домъ; у меня есть семнадцатилѣтняя дочь, — она чело-вѣкъ, назначенный тебѣ судьбою; разкажи обо мнѣ вѣсти моему потомству: встрѣтился, молю, я со скрипачемъ Чибчїномъ; сдѣлался, молю, онъ скрипачемъ при особѣ Эрликъ-хана и живетъ безбѣдно. Когда ты скажешь такъ, они, конечно, не повѣрятъ тебѣ; въ такомъ случаѣ ты отдай этотъ платокъ, сказавъ, что это былъ платокъ, которымъ повязали мою голову когда я умеръ; потомъ, когда они повѣрятъ, ты возьми мою дочь». Съ этимъ онъ и отпустилъ его. Тогда семнадцатилѣтокъ возвратился въ свой домъ и, отправившись къ родителямъ, разказалъ имъ безъ пропусковъ о своихъ дѣяніяхъ, при которыхъ избавился онъ отъ смерти. Стала великая радость. По словамъ того самаго скрипача Чибчїна, разыскалъ онъ его потомковъ и разказалъ вѣсти о Чибчїнѣ; когда они не повѣрили, то онъ убѣждалъ ихъ, отдавши платокъ. Потомъ онъ воротился, посватался за дѣвушку, взялъ ее и, спокойно проживая, наслаждался довольствомъ.

V.

Сказка про стрѣлка молодца и Царкинъ-хана.

Въ старину, въ кочевьяхъ нѣкотораго хана проживалъ одинъ стрѣлокъ. Отправляется этотъ стрѣлокъ стрѣлять птицъ. Идучи, увидалъ онъ трехъ желтоголовыхъ лебедей. Увидавши, залегъ, спрятался между травою. Три желтоголовые лебеди, сбросивъ на берегу рѣки свои лебединыя оболочки, превратились въ трехъ прекрасныхъ дѣвицъ, вошли въ воду и начали купаться. Стрѣлокъ нашъ смотритъ, — своровалъ одну лебединою оболочку и опять залегъ, спрятавшись между травою. Три дѣвицы, купавшись вволю, вышли: двѣ изъ нихъ вошли въ свои лебединыя оболочки, а третья, не могла найти свою лебединою оболочку, плачетъ, бѣгаетъ. Два лебеди взлетѣли кверху, смотрѣли вмѣстѣ и не могли (найти). «Ну, вѣрно теперь судьба твоя такая!» — сказали они и улетѣли. Оставшаяся дѣвица, ища свою лебединою оболочку, бѣгаетъ съ плачемъ и говоритъ: «человѣка, который найдетъ и отдастъ (мнѣ) мою лебединою оболочку, коли будетъ онъ бѣденъ, сдѣлаю богатымъ; коли будетъ дурнымъ, сдѣлаю хорошпмъ; дамъ всякую вещь, какую онъ попроситъ; исполню всякое дѣло, какое онъ задумаетъ». Такъ говоря, бѣгала она, издавая жалобные звуки. Стрѣлокъ всталъ и закричалъ: «Дѣвушка, иди сюда! Вещь, которую ты ищешь, —

у меня». — Дѣвица, увидавши находящуюся въ рукахъ молодаго человѣка свою лебединую оболочку, обрадовалась и подошла со страхомъ. Подошедши, она говорить: «братецъ мой, сдѣлавшій доброе дѣло на доброе дѣло! отдайте мнѣ, пожалуйста, эту мою лебединую оболочку; я дамъ вамъ все, что вы пожелаете, исполню всякое дѣло, какое вы задумаете!» — «Что и возьму съ тебя», говоритъ на это стрѣлокъ, «п какое дѣло черезъ тебя выполню? Ты сама мнѣ нужна!» Съ этими словами онъ взялъ ее, велѣлъ ей идти за собою и, воротившись (домой), взялъ ее за себя въ жены. Сдѣлавъ онъ ее своею женою и когда прошло нѣсколько времени, услыхалъ того кочевья ханъ, по имени Царкинъ, молву, что жена у стрѣлка — красавица. Услыхавши, пришелъ самъ, посмотрѣлъ. Какъ посмотрѣлъ, — молодайка прекрасна какъ дочь Эсрунъ-Хормусты; смотрѣть, — ненаглядная; красавица такая, что нѣтъ въ томъ царствѣ человѣка, которому можно было бы ее сравнить или уподобить; увидалъ и воротился. Воротившись, созвалъ онъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и сановниковъ, подаль имъ двойнаго и тройнаго перегона водки, кушанья, наштковъ и всего, что подходило (къ случаю) и говорить: «Ну, (дорогіе для меня) какъ жизнь чиновники мои и сановники, попрошу я у васъ одну вещь, а вы на мою просьбу дайте мнѣ совѣтъ!» — «Ладно!» отвѣчали въ одинъ голосъ чиновники. Говоритъ ханъ: «Вотъ жена нашего стрѣлка: — формы несравненной красоты ея такія-то и такія-то, рассказалъ имъ сполна объ ея осанкѣ и обликѣ и началъ совѣщаться съ своими сановниками, какое теперь средство (получить ее). Одни сказали, что можно ее похитить; другіе сказали, что можно его убить, а ее взять; третьи сказали, что можно его прогнать, а ее взять. Когда каждый изъ нихъ въ отдѣльности отчеканивалъ свой совѣтъ, говоритъ тогда изъ среды ихъ старшій чиновникъ правой стороны: «Въ той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, на отвѣсномъ, бѣломъ яру рѣки-моря Ганга, есть тигрица со щенятами; если послать его туда, съ приказомъ принести отъ нея молока, то эта тигрица, несомнѣнно, съѣстъ стрѣлка и тогда, я думаю, будетъ, по всей вѣроятности, легко взять эту хорошенькую жену его». — «Такъ, — и это ладно!» согласился всѣ. Когда согласился, ханъ парочно заболѣлъ, призвалъ стрѣлка и говоритъ ханъ стрѣлку: «ну, стрѣлокъ, я», говоритъ, «одержимъ тяжкою болѣзною, противъ которой нѣтъ средства. Средство, которое можетъ вылечить меня, находится въ западной сторонѣ и будетъ мнѣ лекарствомъ молоко тигрицы, у которой есть щенята и которая живетъ на отвѣсномъ, бѣломъ яру рѣки Ганга. Зная, что теперь кромѣ тебя нѣтъ другаго человѣка, который бы могъ принести, всѣ сообща порѣшили — идти тебѣ, да помимо того и я прошу тебя: коли ты мой другъ, такъ непременно отправляйся и принеси молока той тигрицы!» — сказалъ

и началъ страдать пуше прежняго. Вышелъ стрѣлокъ, пришелъ назадъ, поймалъ и осѣдлалъ своего добраго коня, надѣлъ свою лучшую одежду, пристегнулъ свое лучшее оружіе и когда хотѣлъ отпраляться, спрашиваетъ жена: «Куда вы ѣдете?» — «Нашъ ханъ заболѣлъ; сказалъ, что будетъ ему лекарствомъ молоко тигрицы, у которой есть щенята и приказалъ мнѣ привезти его; стало — не ѣхать нельзя и я ѣду!» — отвѣчалъ онъ. Тогда говоритъ жена: «Возьмите», говоритъ, «этотъ мой платокъ!» и дала ему желтый, пестрый платокъ. — «Въ ту пору», говоритъ, «какъ тигрица поскочетъ на васъ, выньте этотъ платокъ и покажите; лишь только она увидитъ, она узнаетъ этотъ платокъ; а какъ узнаетъ, то, не говоря вамъ ни слова, дастъ надопть своего молока. Если говоритъ, что это значитъ, такъ (дѣло въ томъ, что) она была одно время моею домашнею скотиною!» — Тогда стрѣлокъ сѣлъ на лошадь, выѣхалъ и поѣхалъ. Скачетъ онъ повыше дымниковъ юрты, пониже облаковъ, днемъ не полдничая, ночью не ночуя и позабывъ счетъ днямъ и ночамъ. Проскакавши такъ, началъ подъѣзжать къ бѣлому, отвѣсному яру рѣки Ганга, увидала его желтопестрая тигрица съ пространства за полдень (ѣзды) и бросилась. Какъ стала она подходить, онъ вытащилъ желтый, пестрый платокъ и показалъ, помахивая. Увидавши платокъ, тигрица сразу остановилась и спрашиваетъ: «откуда ты, молодець, взялъ этотъ платокъ?» — Молодець: «это», говоритъ, «платокъ моей жены!» — «А, ты зачѣмъ же пріѣхалъ?» говоритъ тигрица. — «Нашъ ханъ заболѣлъ», отвѣчаетъ молодець, «и я пріѣхалъ, имѣя нужду въ твоемъ молокѣ!» — «Если такъ, то поскорѣ слѣзай и надой молока въ свой кувшинъ!» — говоритъ. Молодець слѣзъ, надопилъ молока тигрицы, привязалъ его накрѣпко въ торока, — «ну», говоритъ, «тигрица, будь здорова!» и поѣхалъ. «Ну, и ты также, — успокой болѣзнь своего хана, имѣй успѣхъ во всѣхъ задуманныхъ дѣлахъ и поѣзжай въ добромъ здоровьѣ!» отвѣчала тигрица и воротилась. Когда стрѣлокъ привезъ хану молоко тигрицы, ханъ увидалъ и выздоровѣлъ, а молодець, пришедши домой, сталъ поживать своимъ старымъ порядкомъ.

Потомъ ханъ со всѣми своими сановниками собралъ сполна всѣхъ своихъ подданныхъ и началъ держать совѣтъ; но, разсуждая о томъ, какое теперь можетъ быть средство противъ него, они и всѣ вмѣстѣ не могли отыскать. Говоритъ тогда старшій чиновникъ лѣвой стороны: «посылали мы его въ мѣсто, про которое думали, что тамъ ему должно умереть, а онъ не умеръ; слѣдовательно у насъ нѣтъ средства убить его; я думаю, что развѣ одно: нужно собрать воровъ, мошенниковъ, плутовъ, шалонаевъ, пьяницъ, картежниковъ и всѣхъ такихъ, дать имъ водки и мяса, повеселить, напоить пьяными и если поспросать у нихъ средствъ, то они, можетъ

быть, указать способъ». — «Ладно, сдѣлаемъ такъ!» согласились всѣ. Собрали такихъ людей въ одномъ уединенномъ мѣстѣ, дали имъ водки и мяса, повеселили, напоили пьяными, и кликнули между ними кличь: «есть ли между вами человѣкъ, у котораго было бы средство убить и похоронить этого стрѣлка? Если между вами такого человѣка нѣтъ, то есть ли у васъ такой человѣкъ, который бы зналъ человѣка, способнаго убить и похоронить его? По всей вѣроятности, у васъ есть человѣкъ, у котораго имѣется средство вообще извести его; укажите намъ такого!» Объявили такъ ханъ и сановники, — ходятъ и прислушиваются. Ходятъ они такимъ образомъ и вотъ какой-то человѣкъ, на одинъ глазъ кривой, пьяный, платье и одежду свою порастегнувшій, кричить, бѣснуется, «я знаю!» говоритъ. Увидаль вдругъ ханъ его самого, услыхалъ его рѣчь, схватилъ, вырезвилъ и спросилъ: «ты что знаешь?» — Кривой на одинъ глазъ говоритъ: «если послать его съ приказомъ привезти вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида и которая находится въ невѣдомой странѣ,¹⁾ то онъ будетъ искать и не покажется въ этихъ мѣстахъ». Всѣ, съ ханомъ и сановниками во главѣ, одобрили это, а для повода посольства ханъ опять заболѣлъ, призвалъ стрѣлка и говоритъ: «я теперь опять болѣю; принеси мнѣ вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида и которая находится въ невѣдомой странѣ!» Говоритъ молодецъ: «куда же я пойду и что принесу?» — «Ты найдешь», говоритъ ханъ, «непремѣнно принеси!» и началъ мучиться. Пришелъ тогда молодецъ назадъ и, раздумывая, какъ было бы лучше, въ теченіе трехъ сутокъ, днемъ выходитъ на горку, а ночью не спитъ и разводитъ своимъ умомъ. Не будучи въ состояніи прискать средства, привелъ онъ свою лошадь, и, рѣшившись ѣхать, сталъ сѣдлать. Въ ту пору спрашиваетъ его жена: «Куда вы ѣдете?» «Нашъ ханъ заболѣлъ», говоритъ мужъ своей женѣ, «и я ѣду по его повелѣнію привезти вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида и которая находится въ невѣдомой странѣ». «Постойте», говоритъ жена, «чѣмъ ѣхать туда на лошади, кажется, будетъ лучше идти пешкомъ. Какъ пойдете, ступайте, взявши вотъ это; сдѣлавъ отъ дверей три шага, бросьте впередъ, потомъ, въ какую сторону это покатится, вслѣдъ за нимъ и идите!» такъ говоря, она дала ему клубокъ шелковыхъ нитокъ. Мужъ ея взялъ этотъ клубокъ нитокъ, пустилъ свою лошадь, сдѣлавъ три шага отъ дверей, бросилъ и пошелъ слѣдомъ въ ту сторону, въ которую завертѣлся клубокъ нитокъ. А супруга его сзади: «Когда», говоритъ, «спуклатите

1) «Ўзўкъ чикъ угъ газаръ» буквально значитъ мѣстность, къ которой не имѣется дороги и относительно положенія которой неизвѣстно ни стороны ни направленія; словомъ это выраженіе для обозначенія понятія обо всякой неизвѣстной и неоткрытой странѣ.

свою голову, такъ расчесывайте ее этимъ!» и подала ему свою золотую гребенку. Взявъ онъ золотой гребень и, слѣдуя за ниткою, шелъ, не оставившись для полдника днемъ и для почлега ночью; сколько прошло дней и мѣсяцевъ и счетъ забылъ. Вошелъ онъ въ большой, темный лѣсъ, идти опять нѣсколько сутокъ по темному лѣсу и попадаетъ ему маленькій домикъ. Докатившись до дверей этого маленькаго домика, нитка потерялась. Когда нитка потерялась, «что я буду теперь дѣлать?» думаетъ онъ; «должно быть», говоритъ, «нужно войти въ этотъ домикъ?!» — вошелъ и сѣлъ. Живетъ тамъ какая-то хорошенькая, маленькая женщина и говоритъ; «откуда и куда вы идете?» — А тотъ: «Я», говоритъ, «прохожій». Потомъ эта женщина подала ему пищу; поѣлъ онъ пищу и ночевалъ тамъ. По утру всталъ, умылся и расчесываетъ свою голову золотымъ гребнемъ. Женщина эта, посматривая на гребень, спрашиваетъ: «откуда вы взяли этотъ гребень?» — «Эго», говоритъ, «гребень моей жены». — «Ну, такъ», говоритъ, «вы мой зять, — вамъ бы вчера сказать!» и съ этими словами она подала ему и кушанья, и напитки, сколько хочешь. Пользуясь довольствомъ, да и ногамъ давши отдохнуть, прожилъ онъ тамъ три дня. По истеченіи трехъ сутокъ, спрашиваетъ та женщина у стрѣлка: «куда же вы шли, и по какой нуждѣ шли?» — «Нашъ ханъ», говоритъ онъ, «заболѣлъ и послалъ меня принести изъ невѣдомой страны вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида. Вотъ ваша младшая сестра дала мнѣ клубокъ нитокъ съ приказомъ идти вслѣдъ за нимъ и я, идучи вслѣдъ за нимъ, дошелъ до васъ». Такъ говоря, разказалъ онъ всѣ обстоятельства, при которыхъ шелъ. А женщина: «какъ же», говоритъ, «я буду знать объ этомъ?» Дала ему опять клубокъ нитокъ и говоритъ: «стунайте за нимъ вслѣдъ; здѣсь проживаетъ старшая сестра изъ всѣхъ насъ; развѣ она знаетъ, а я не знаю; эти нитки доведутъ васъ то той нашей старшей сестры». Взявъ онъ, вышелъ, опять тѣмъ же порядкомъ бросилъ и пошелъ слѣдомъ по тому, какъ вертѣлись нитки. Идетъ опять нѣсколько сутокъ, вышелъ изъ того темнаго лѣса, прошелъ мѣсяцъ и опять вступилъ въ большой темный лѣсъ. Достигши до дверей маленькаго домика, который находился среди того лѣса, нитка опять перестала видѣться. Вошелъ онъ въ этотъ домикъ и сѣлъ. Живетъ тамъ какая-то хорошенькая маленькая женщина и спрашиваетъ: «откуда и куда вы идете?» А тотъ: «я», говоритъ, «прохожій». Поѣлъ и поилъ онъ по-данное ему кушанье и переночевалъ тамъ. По утру всталъ, умылся и какъ расчесывалъ свою голову гребнемъ, женщина, посматривая на гребень, спрашиваетъ: «откуда вы взяли этотъ гребень?» — «Это», говоритъ, — «гребень моей жены». — «Ну, такъ», — говоритъ, — «вы мой зять; вамъ бы вчера сказать!» Съ этими словами она начала угощать его, подавала ку-

шанья и напитки, сколько хочешь. По прошествіи трехъ сутокъ, когда она спросила его объ обстоятельствахъ, — по какой нуждѣ онъ шелъ; стрѣлокъ разказалъ ей сполна, по старому, о причинѣ, по которой онъ шелъ. Какъ разказалъ онъ, та женщина: «какъ же», говоритъ, «я буду знать объ этомъ; спросить развѣ у крылатыхъ?» Съ этими словами взяла она свой золотой рожокъ, взобралась на крышу домика и затрубила въ рожокъ. Зазвучало сто восемь звуковъ удручительныхъ, шестьдесятъ два звука увеселительныхъ, пришли всѣ, и крылатые, — проживающіе вверху, и живущіе внизу дикіе звѣри — хищные и степные, даже до червей, насѣкомыхъ и стали вокругъ. Женщина среди всѣхъ ихъ кликнула ключъ: «коли есть здѣсь существо, знающее вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида и которая находится въ невѣдомой странѣ, — то скажите; а если вы не знаете, — скажите: «не знаемъ» и возвращайтесь назадъ». — «Я не знаю! я не знаю!» — говорятъ и всѣ до единого ушли назадъ. — Опять затрубила она въ рожокъ и вышелъ сполна всѣ водяныя существа: всѣ, проживающія въ водѣ, змѣи, лягушки, рыбы, черепахи, даже до раковъ и стали въ кружокъ. Снова, по старому, спросила она, кликнувши ключъ среди стоявшихъ. Опять со словами: «я не знаю! я не знаю!» стали уходить въ воду. Позади этихъ существъ, уходившихъ въ воду, одинъ громаднѣйшій ракъ то пойдетъ по направленію къ водѣ, то воротится, пойдетъ по направленію къ домику. Увидала его женщина, что онъ находится такъ (въ нерѣшительномъ положеніи) и спрашиваетъ: «ты — раковый царь?» — «Да!» говоритъ. — «Что ты хочешь сказать, что ты знаешь, что ты слышалъ? Правду или ложь, скажи мнѣ что нибудь!» — «Я», говоритъ, «объ одной вещи хоть бы и знать, такъ знаю, а хоть и не знать, — такъ не знаю!»¹⁾ — «Ну, что же такое? говори!» — говоритъ. Ракъ отвѣчалъ: «если выйти и идти отсюда на полуденную сторону, то на пространствѣ мѣсячнаго пути встрѣтится большое, поперечное море; если не будетъ средства переправиться черезъ него, то на западной сторонѣ его, на разстояніи мѣсячнаго пути, есть кружная переправа; когда переправившись по ней, то попадется большая дорога, направляющаяся на полдень; если пройти по этой дорогѣ мѣсяць, то на восточной сторонѣ покажется большой, дремучій лѣсъ; продолжая идти по той же дорогѣ, выйдетъ по направленію къ тому лѣсу двуколесный путь; если пойти по этому пути, то онъ войдетъ въ тотъ дремучій лѣсъ, а вошедши окончится; что дальше — я не знаю!» сказалъ ракъ и съ этими словами ушелъ въ воду. Послѣ того женщина, спустившись съ крыши, вошла въ

1) Выраженіе это представляетъ собою чистый калмыцизмъ: по русски оно равняется вульгарному обороту: «не то знаю, не то не знаю».

домикъ, подала стрѣлку кушанья и напитоковъ и говорить: «ну, молодецъ, слышалъ ты до конца всѣ рѣчи, которыя говорилъ этотъ раковый царь?» — «Слышалъ!» — говорить. «Если слышалъ», говорить, «такъ помимо того, что идти по рѣчамъ, которыя сказалъ ракъ, — ни ты, ни я ничего не знаемъ». Вышелъ тогда стрѣлокъ и пошелъ. Идетъ мѣсяцъ, дошелъ до моря; идетъ по берегу моря и, по истеченіи мѣсяца, дошелъ до кружной переправы; переправился по переправѣ, нашелъ дорогу и когда прошелъ одинъ мѣсяцъ тою дорогою, то на восточной сторонѣ ея показался большой дремучій лѣсъ. Идетъ онъ такимъ образомъ и вотъ отъ большой дороги вышла двухколесная дорога въ сторону дремучаго лѣса. Прощелъ онъ трое сутокъ двухколесною дорогою и дошелъ до дремучаго лѣса. Вошла (эта дорога) въ дремучій лѣсъ, идетъ, тянется, и, вступивши въ густую чащу лѣса, окончилась, стала. Сверху и свѣта божьяго не видно; ни впередъ, ни на обѣ стороны прохода нѣтъ. Остановился стрѣлокъ, думаетъ: «что я теперь буду дѣлать?» и въ эту пору попалась ему подъ ноги ямка. «Что теперь дѣлать?» думаетъ, — пролѣзъ тою ямкою, хочетъ идти, — стоитъ землянка: никого въ ней нѣтъ, а видно и имѣются примѣты, что былъ человѣкъ. Стоитъ онъ, осматриваетъ: въ фундаментѣ землянки опять небольшая ямка. Влѣзъ онъ въ эту ямку, легъ и заснулъ. Заснулъ и, при пробужденіи, донеслось до него, бряцнать стукъ телѣги по той двухколесной дорогѣ. Молодецъ, услыжавши стукъ испугался, спрятался въ своей ямкѣ и лежитъ. Лежитъ онъ такимъ образомъ и вотъ входятъ въ эту землянку добрый молодецъ, одѣвшийся въ лучшія одежды и пристегнувшій лучшее оружіе. Взялъ онъ свое оружіе, повѣсилъ на одинъ крючекъ, снялъ свое платье, повѣсилъ на другой крючекъ, сѣлъ, поджавши ноги и говорить: «Мурза, подавай кушанье!» Вдругъ передъ нимъ развернулась желтая, пестрая скатерть и поставили лакомыя кушанья, вкусныя напитки, всякіе плоды, фрукты, все въ изобиліи и довольствѣ. Поѣлъ, попилъ онъ этихъ кушаньевъ и напитковъ, наѣлся, всталъ, одѣлся, — «Мурза», говорить, «собери это все!» — Взялъ свое оружіе, вышелъ изъ землянки, сѣлъ въ телѣгу, забряцалъ, зазвенѣлъ, — уѣхалъ. Кушанье и напитки, находившіеся на желтой, пестрой скатерти, — убраны, скрылись. Молодецъ, вставши изъ своей ямки, смотритъ, — и никого нѣтъ, и ничего нѣтъ. «Ну», думаетъ, «что это за человѣкъ такой, — что за человѣкъ, который подавалъ ему кушанье, — и что сдѣлалось съ тѣмъ кушаньемъ, которое осталось?» Взялъ свое оружіе, повѣсилъ на тотъ крючекъ, на который онъ вѣшалъ свое оружіе; снялъ свое платье, повѣсилъ на тотъ крючекъ, на который онъ вѣшалъ свое платье; сѣлъ самъ, поджавши ноги, на то мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ: «подавай, Мурза, кушанье!» говоритъ. Въ то же мгновеніе передъ нимъ развернулась жел-

тая, пестрая скатерть и поставили лакомья кушанья, вкусные напитки, плоды, фрукты, всякое приятно-съѣдомое. Молодецъ, кушая изъ того, что можно ѣсть и, отвѣдавши напитковъ, говоритъ: «садись, Мурза, ѣшь кушанье!» Мурза сѣлъ и началъ ѣсть. Во время ѣды, говоритъ Мурза: «вотъ я цѣлыхъ тридцать лѣтъ кормлю давшняго человѣка, который приходилъ, и онъ еще ни разу не сказалъ мнѣ, — ѣшь кушанье; тебѣ я подаю кушанье одинъ только разъ и ты сказалъ мнѣ: «поди, Мурза, поѣшь! Можетъ быть ты возьмешь меня?» — «Возьму», говоритъ молодецъ, — «я даже и ходилъ, искалъ тебя, да вотъ только что нашелъ». — «Въ такомъ случаѣ», говоритъ, «я буду твоимъ и пойду вмѣстѣ съ тобою!» — «Ладно», говоритъ и, приказавши ему слѣдовать за собою, вышелъ и пошелъ. Идутъ они двуколесной дорогой, вышли изъ межъ лѣса, и въ ту пору ѣдетъ давшнйй господинъ Мурзы, чтобы ѣсть кушанье. Говоритъ Мурза: «вотъ ѣдетъ мой господинъ, ты ляжъ и скройся у корня этого дерева!» Молодецъ легъ, скрылся. Тотъ въ телѣгѣ, запряженной восьмью чернолысыми лошадьми, доѣхалъ до землянки, «Мурза», говоритъ, «подавай кушанье!» Но, не будучи въ состояннн докликаться, уѣхалъ. Стрѣлокъ всталъ и пошелъ дальше. Вечеромъ, когда стало уже поздно, дошелъ онъ до черной закоптѣлой лачужки¹⁾, стоявшей въ необитаемой мѣстности, хочетъ войти въ нее, — а тамъ старичекъ-дайчп²⁾ творить поклоны. «Старичекъ-дайчп», говоритъ молодецъ, — «я пришелъ переночевать къ вамъ! Можно дать мнѣ ночлегъ?» — «Въ этихъ мѣстахъ», говоритъ дайчп, «людей не хаживало: откуда и куда ты идешь?» — «Я—прохожій!» — говоритъ. Говоритъ старикъ: «мѣсто-то, гдѣ переночевать тебѣ, — есть, а пропитанн, — дать тебѣ, — нѣтъ». Молодецъ: «пропитанн», говоритъ, «мнѣ не нужно; пропитанн у меня у самага много!» — «Ну, ночуй!» говоритъ, — оставилъ его почевать. Ночуетъ онъ тамъ и, когда наступила ночь, старикъ сталъ ѣсть пищу; пища же его — малина, растущая между скалами; тернъ и боярышникъ, растущн на деревьяхъ; такой пищи немножко вытасилъ онъ и сталъ ѣсть. Ѣстъ старикъ и говоритъ: «пищу, которую бы я могъ дать тебѣ, у меня нѣтъ; а изъ этой пищи, которую я собиралъ по зернышкамъ, дать тебѣ нельзя, такъ какъ на тотъ промежутокъ времени, который потребенъ, чтобы собрать ее, должны будутъ уменьшиться мои поклоны, манъ и мпкчжймъ³⁾). Молодецъ:

1) Урца — слово древне-калмыцкое, употребляемое нынѣ, можетъ быть, только въ Чжунгарн; оно обозначаетъ жилище бѣдняковъ, которое составляется изъ одной верхней части юрты, — т. е. уннновъ, покрытыхъ войлокомъ. Такой шалашъ у нашихъ калмыковъ называется теперь «джолдн гѣръ».

2) Отшельникъ, удалившнся въ пустыню для созерцательныхъ подвиговъ.

3) — т. е. религиозные подвиги, которые принималъ на себя отшельникъ. Описание поклоненн буддистовъ читатели могутъ найти въ нашемъ сочиненн: «Очерки быта буд-

«кушайте», говорить, «вы свое, а у меня есть свое кушанье; подавай», говорить, «Мурза, кушанье!» Въ то же мгновение разостлалась передъ нимъ желтая, пестрая скатерть и поставилось сполна и кушанье и питье. Молодецъ, начавъ ѣсть, «ну-ка, старичекъ», говорить, «сядьте, покушайте моего кушанья!» Старикъ видягъ, удивляется, сѣлъ и началъ ѣсть. Посадила онъ опять и Мурзу, покормилъ. Когда всѣ наѣлись и встали, онъ сказалъ: «Мурза, собери остатки!» И все, что было, сполна было собрано. Говорить старикъ: «Молодецъ, промѣняй мнѣ эту свою прекрасную вещьцу!» А молодецъ: «нѣтъ», говорить, — «это вещь непромѣнная: она мнѣ самому нужна!» Старикъ выпрашивалъ цѣлую ночь: «я тебѣ дамъ», говорить, «дѣйствительно необходимую вещь!» — «Что же вы дадите мнѣ?» спросилъ молодецъ. — «Я покажу вещь, которую дамъ тебѣ», сказалъ старикъ и съ этими словами онъ взялъ трехъ-аршинный хадакъ, велѣлъ молодцу идти за собою, вышелъ вонъ изъ юрты, трихнулъ и сказалъ: «будь дворецъ!» И явился прекрасный дворецъ, почти достигающій до небесъ, еще не виданный на свѣтѣ, обитый золотомъ и серебромъ, усѣянный какъ глазами кораллами, жемчугомъ и драгоценностями. Какъ войти во внутрь его, да посмотрѣть, такъ есть тамъ сполна всѣ вещи, которыми пользуются цари. Потомъ, показавши, говорить старикъ: «это-тебѣ нужно, а твоя прекрасная вещьца мнѣ нужна; возьми этотъ мой дворецъ и отдай мнѣ свою ту!» Такъ говоря, онъ просилъ, но мальчикъ: «нѣтъ», говорить, «отдать нельзя!» — А Мурза между тѣмъ шепчетъ ему на ухо: «мѣняй:—и дворецъ будетъ твой, и я буду твой,—мѣняй!» Молодецъ повѣрилъ словамъ Мурзы,—помѣнялся.—«Соберись!» говорить, встряхнулъ хадакомъ и дворецъ исчезъ. Молодецъ, взявши трехъ-аршинный хадакъ,—«Ну, теперь Мурза—вашъ!» говорить, вышелъ и пошелъ. Обогнулъ онъ стороною горный перевалъ и говорить: «вотъ, то что нужно было получить съ него,—хадакъ, я получилъ; что-то теперь мой Мурза?»—«Не безпокойся», говорить, «я иду около тебя!»—Молодецъ отъ этого успокоился; то пробѣжить, то пройдетъ шагомъ, шелъ онъ не зная, и не мѣряя сколько дней и ночей и наконецъ попадаетъ ему поперечное море. «Давишнй обходъ моря» думаетъ молодецъ, «составить теперь пространство мѣсячной ходьбы!» — и пошелъ по берегу моря. Идетъ онъ и попадаетъ ему, что въ большой корабль влѣзъ полкъ солдатъ и хочетъ переправляться. Говорить молодецъ: «я иду изъ дальней стороны, помѣстите меня пожалуйста въ этомъ кораблѣ и переправьте!»—Попросилъ онъ воен-

дѣйскихъ монастырей» стр. 292—298; *мані* — названіе шестисложной тарнистической формулы, которую постоянно произносятъ буддисты, а *микжамъ* — коротенькая, также общераспространенная молитва, дословный переводъ которой находится на стр. 303 того же сочиненія.

наго начальника, тогъ: «садись, переѣзжай!» говоритъ. Влѣзъ молодецъ въ корабль, сѣлъ и поѣхалъ вмѣстѣ. Ёдутъ они такимъ образомъ, молодцы солдаты начали ѣсть кушанье. «Дайте мнѣ пожалуйста вашего кушанья»,—попросилъ молодецъ, а тѣ говорятъ: «разъ посади тебя на свой корабль, да сверхъ того еще дай тебѣ кушанье! А мы отъ тебя какой барышъ увидимъ? Нашъ провьянтъ мѣряный, тебѣ дать нельзя!»—Говоритъ молодецъ: «вашъ провьянтъ мѣряный, а у меня есть провьянту, которымъ можно накормить въ одинъ разъ весь этотъ полкъ!». Тѣ молодцы солдаты, всѣ начали его ругать: «хвастунъ, обманщикъ, собака, свинья!» говорятъ и пустили слухъ объ этомъ даже до военнаго начальника. Услыхалъ объ этомъ военный начальникъ, призвалъ молодца и спросилъ: «правда что ты говорилъ, будто можешь накормить однимъ разомъ весь полкъ солдатъ?» — «Правда!» говоритъ. «Если правда», говоритъ, «такъ накорми и мы узнаемъ, что ты добрый молодецъ; а если это ложь, такъ мы привяжемъ тебѣ на шею камень, величиною съ быка, и бросимъ тебя въ море!» Молодецъ: «ладно», говоритъ, «садитесь въ два ряда тѣмъ порядкомъ, какъ ѣдите кушанье!» Солдаты сѣли съ одного конца корабля до другаго, лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ. Молодецъ: «ну Мурза», говоритъ, «поставь кушанье, которымъ можно накормить это войско!» — Въ ту же минуту съ одного конца корабля до другаго (Мурза) постлалъ посреди нихъ желтую, пеструю скатерть и поставилъ кушанье, яства, напитки, плоды, фрукты, по желанію,—ѣшь, что хочешь. Тѣ солдаты, всѣ до единаго поѣли, попили, насытились и дальше еще осталось на столько, что можетъ еще наѣсться такое же войско. «Ну, Мурза, собери!» говоритъ и въ то же мгновение все исчезло. Тогда всѣ солдаты пришли въ удивленіе: «очень хорошая, интересная», говорятъ, «штука!» и, начавъ совѣщаться, какимъ бы способомъ заполучить ее, говорятъ молодцу: «продай!»—«Вещь», говоритъ, «непродажная!» Не могли заставить его продать, они начали просить его, говоря: «мы дадимъ тебѣ одну необходимую вещь». — «Что же вы дадите мнѣ?» говоритъ молодецъ,—«Что я возьму съ васъ? Это вещь, которая мнѣ самому нужна!» — «Дадимъ мы тебѣ вотъ какую штуку!» сказали они, привнесли золотую палку и показали ему такую золотую палку, что если ударить ее толстымъ концемъ, то начнетъ выходить безостановочно конное войско, одѣтое въ блестящія латы и вооруженное оружіемъ; а если ударить тонкимъ концемъ, такъ начнетъ выходить безостановочно вооруженная оружіемъ пѣхота. Увидавши такую палку, Мурза подзадориваетъ, шепчетъ: «мѣняй», говоритъ, «и войско твое будетъ, и я твой буду!» Повѣрилъ молодецъ тому, что говорилъ Мурза, помѣнялся. «Ну, Мурза—вашъ!» говоритъ, взявъ золотую палку и, когда переплыли море, то войско направилось въ

свою сторону, а стрѣлокъ въ свою сторону. Идетъ молодецъ оттуда, обогнулъ сбоку одинъ переваль: «ну, что-то теперь Мурза?!» говоритъ. Мурзы— нѣтъ.— Прошелъ однѣ сугки: «что же ты Мурза?!» говоритъ. Нѣтъ.— Два раза переночеваль,— «Что же ты Мурза?!» говоритъ. Нѣтъ.— «Ну обманулъ онъ меня!» говоритъ. Идетъ третьи сугки. «Ну, Мурза мой, что-же ты?!» говоритъ.— «Не безпокойся!» говоритъ, «твой Мурза еще давеча пришелъ!» Успокоившись духомъ, сразу сѣлъ онъ на томъ самомъ мѣстѣ, «давай, Мурза кушанье!» говоритъ. Мурза поставилъ передъ нимъ кушанье. Поѣлъ онъ и вдвоемъ, съ своимъ Мурзою, пошелъ, не считая день за день, и ночь за ночь и пришелъ домой.

Приходитъ онъ домой ровно въ полночь. «Вставай», говорятъ своєї спавшей женѣ,— поднялъ ее. Встала жена, зажгла огонь,— «здорово, приѣхали?!» спрашиваетъ.— «Приѣхаль, вы здоровы ли?»— Освѣдомившись другъ у друга о здоровьѣ, спрашиваетъ онъ: «болѣзнъ ханова прошла? Что ханъ? Дома?» Говоритъ жена: «ханъ съ тѣхъ поръ какъ вы ушли здоровъ; напротивъ, три раза сговариваль, чтобы жениться на мнѣ; но я не пошла: мой мужъ, говорю, пошелъ искать вамъ лекарства; не зная о томъ, умеръ онъ или живъ, какъ же я пойду за васъ замужъ? На такія мои рѣчи, онъ послалъ сказать: твой мужъ, говоритъ, давно умеръ и кости его сгнили; я говорю: покажи мнѣ его кости; я и кости его какъ увижу, такъ узнаю; а когда я увижу его кости, мое дѣло знать, какой дать отвѣтъ на ваши слова. Какъ послала я сказать такой отвѣтъ, онъ отобралъ у меня весь мой скоть, и вотъ мое настоящее положеніе!» Услыхавши эти слова, молодецъ, «иди сюда!» говоритъ, приказалъ ей идти за собою, пришелъ къ ханскому дворцу на переднюю его сторону, вытацилъ свой трехъаршинный хадакъ, тряхнулъ: «будь», говоритъ, «дворецъ!» и сталъ дворецъ, почти соприкасающійся съ небомъ. Вошелъ онъ въ свой дворецъ вмѣстѣ со своею женою, приказалъ поставить кушанья и напитки Мурзы, поѣлъ, ударилъ тонкій ковецъ золотой палки, выпустилъ два полка пѣхоты, поставилъ у дверей: «завтра», говоритъ, «пока я не встану, никого не пускайте!» и легъ спать. На завтра, поутру, встають хановскіе (домочадцы), видятъ дворецъ: «что это», говорятъ, «за штука? бурханъ пришелъ, али чертъ пришелъ?!» и, когда ханъ проснулся, доложили хану. Вышелъ ханъ, посмотрѣлъ: «что это такое?»— говоритъ, «я съ тѣхъ поръ, какъ сталъ человѣкомъ, такого дворца еще не видываль, и не слыхиваль! Что это за дворецъ? Что за человѣкъ въ немъ живетъ? Ступайте, посмотрите его и приведите сюда человѣка, который тамъ живетъ!» Такъ говоря, послалъ онъ двухъ человѣкъ. Подходятъ два человѣка и повстрѣчались эти два ханскіе посла съ двумя, страшными на видъ и вооруженными оружіемъ, привратниками. «Чей это дворецъ?»— спрашиваютъ, «Что за человѣкъ въ немъ живетъ?»

Что вы за люди? Откуда вы пришли: съ неба вы упали, или изъ земли выросли? Говорите намъ скорѣе!» А два привратника къ нимъ: «Вы, берущіе съ насъ допросъ, что за люди?» говорятъ. «Мы», отвѣчаютъ тѣ, «ханскіе послы; онъ послалъ насъ допросить!» «А этотъ вашъ что за ханъ?» — говорятъ привратники, «До вашего хана намъ нужды нѣтъ! Нашъ ханъ во дворцѣ почиваетъ! Ступайте, пока живы!» Два ханскіе посла испугались и, воротившись, доложили своему хану. Ханъ началъ журить ихъ: «Я», говоритъ, «не посылаю васъ видаться съ привратниками, а послалъ привести господина, который живетъ въ домѣ!» Съ этими словами, онъ назначилъ наказаніе двумъ посламъ и послалъ снова двухъ своихъ богатырей захватить и привести хозяина того дворца. Приходятъ два богатыря, хотѣвъ отворить двери дворца, а два привратника говорятъ имъ: «отступите, вы что за люди?!» — Два богатыря говорятъ: «мы посланы не съ вами разговаривать, а захватить и привести хозяина этого дворца» и стали проталкиваться съ намѣреніемъ войти. — «Ханъ почиваетъ въ своемъ дворцѣ; мы многихъ хановъ не знаемъ; до вашего хана намъ нужды нѣтъ!» — сказали привратники, схватили по одиночкѣ двухъ богатырей, начали бить ихъ выстутками, разбили имъ и ротъ, и носъ и прогнали. Оба богатыря пришли, обливаясь кровью, и говорятъ: «два привратника не пустили насъ и сказали, что убьютъ насъ; они необычайно сильны!» Началъ ханъ совѣтоваться со всѣми своими чиновниками: «Должно быть это неприятель, — нужно посылать войска!» Собралъ яргачеевъ¹⁾ и дархановъ и отправилъ ихъ съ приказаніемъ собрать и привести войска (смотря по тому) кто только можетъ держаться на лошади и на сколько возможно скорѣе. Собрали они войска и пришли. Тридцатью тремя полками въ тридцать три ряда окружилъ онъ дворецъ и далъ кличъ: «Выходи сюда, пока солнце на ногахъ, позабудимся!» Стрѣлокъ высунулся въ окно по грудь и кричить: «Что вы за народъ? Коли Царкинъ ханъ хочетъ воевать, — заяви о своей враждѣ; а хочетъ быть въ мирѣ, — заяви миръ. Я съ тобою ня врагъ, ни приятель, а человѣкъ, который живетъ въ своемъ домѣ. Если ты хочешь воевать, давай воевать!» — Царкинъ ханъ: «давай воевать!» говоритъ. Тогда стрѣлокъ взялъ свою золотую палку, ударилъ толстымъ концемъ, —

1) Яргачи — старинная калмыцкая должность, которая въ нашихъ старыхъ положеніяхъ о калмыкахъ, приравнивается къ «эзекуторской» и которую проф. Леонтовичъ почитаетъ равною — стряпчему. (См. къ Исторіи права русскихъ инородцевъ. — Калмыцкое право. Одесса 1880 г., стр. 140). По калмыцкимъ уставамъ, яргачи состоялъ при судѣ Зарго въ качествѣ исполнительн. власти. Какъ «эзекуторъ» онъ охранялъ судебный порядокъ, считался начальникомъ стражи и исполнялъ приговоры суда. Какъ «судебный приставъ» онъ вызывалъ стороны къ суду и исполнялъ другія распоряженія суда до и во время судебного разбирательства; какъ «судебный слѣдователь» онъ отбиралъ показанія. Ему принадлежало далѣе мировое разбирательство сторонъ до времени обращенія ихъ къ формальному суду.

вышло конное войско, увѣшанное оружіемъ, одѣтое въ блестящія латы, которое, замахнувшись своимъ оружіемъ, говоритъ: «что прикажетъ ханъ?!» — «Сразитесь съ тѣмъ непріателемъ!» говоритъ. Пошли, начали сражаться. Выпустивши коннаго войска въ равномъ количествѣ съ войскомъ того хана, ударилъ онъ тонкимъ концемъ палки. Изъ тонкаго конца вышла пѣхота и, замахнувшись своимъ оружіемъ, говоритъ: «что прикажетъ ханъ?!» — «Сразитесь съ тѣмъ непріателемъ!» говоритъ. И конница, и пѣхота, начавши сраженіе утромъ, до вечера истребляли ханское войско, а когда хотѣли захватить живьемъ самого хана, онъ, направившись къ тому дворцу, бѣжитъ, кричитъ: «спасите мою жизнь!» — Стрѣлокъ закричалъ своимъ войскамъ: «не убивайте, приведите его живьемъ!» — Тогда солдаты схватили его живаго и привели передъ особу стрѣлка. Поклонился ханъ въ ноги стрѣлку и просилъ помиловать ему жизнь. Молодецъ поднялъ его, посадилъ: — «не бойтесь», говоритъ, «мнѣ убивать васъ не нужно; когда вы захотѣли сражаться, я сразился; а теперь», говоритъ, «немножко закусите, выпейте! Мурза, подавай кушанье!» говоритъ. Мурза развернулъ желтую, пеструю скатерть и поставилъ кушанье, напитки, сполна все возможное. Сталъ стрѣлокъ ѣсть, и хану говоритъ — «ѣшь!» и ханъ началъ ѣсть; наѣлись, стрѣлокъ говоритъ: «Собери, Мурза!» И все было собрано. Говоритъ стрѣлокъ хану: «Я слышалъ, что въ вашихъ кочевьяхъ проживаетъ стрѣлокъ-молодецъ; есть этотъ молодецъ?» — «Нѣтъ!» отвѣчаетъ. «Что же съ нимъ?» говоритъ. — «Умеръ», говоритъ. — «Нѣтъ, мы слышали, что онъ живъ!» — говоритъ. «Онъ отправился по сосѣдству», говоритъ ханъ, «и какъ онъ пропустилъ срокъ, въ который долженъ придти, то мы и рѣшили, что онъ умеръ». — «А узнаете вы теперь стрѣлка-молодца?» — спрашиваетъ молодецъ. — «Узнаю», — говоритъ. — «Я сказалъ, что не убью васъ, но такъ какъ вы можете, то, кажется, достойны того, чтобы васъ убить» говоритъ молодецъ. — «Я не лгу!» отвѣчалъ ханъ. — Говоритъ молодецъ: «Когда вы сдѣлались больны, развѣ вы не посылали его принести изъ неизвѣстной мѣстности вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида? Тотъ посланный стрѣлокъ-молодецъ — я самый и есть; вещь, у которой нѣтъ ни мѣста, ни вида, и которую вы приказывали принести — есть именно этотъ Мурза, который подавалъ намъ кушанье. Я чистосердечною службой выполнилъ то, что вы говорили; а ваше зложелательное дѣло, кажется, не исполнилось. Теперь по всей справедливости слѣдовало бы убить васъ; но хоть и много вашихъ грѣховъ, я тѣмъ не менѣе даю вамъ вашу жизнь. Теперь вы здѣсь не оставайтесь, а ступайте, куда хотите, въ другую землю!» — Ханъ: «благодарю!» говоритъ, поклонился, вышелъ, взялъ своихъ семейныхъ и ушелъ. Стрѣлокъ-молодецъ завладѣлъ тѣмъ кочевьемъ и началъ жить въ довольствѣ.